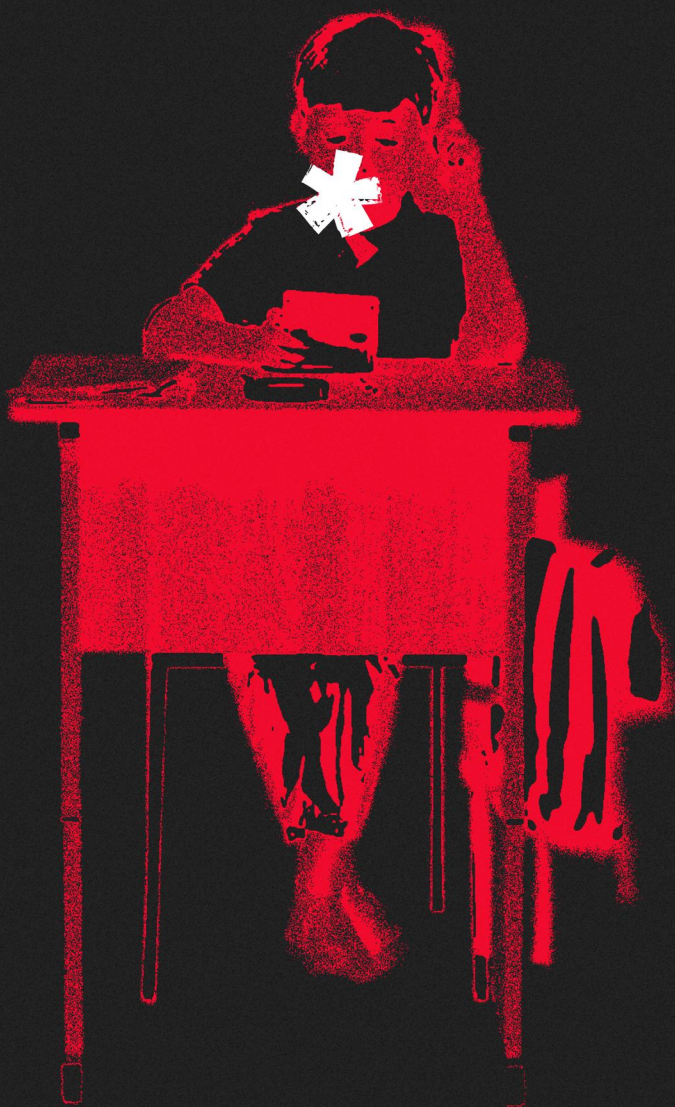

команда
ПРОТИВ ПЫТОК

Тихий час

Как выглядит жестокость
в российском образовании и почему
судебная практика не замечает
педагогического насилия

18+

© Команда против пыток, 2026
Распространяется по лицензии
Creative Commons «Attribution» 4.0

Настоящий материал (информация)
произведен, распространен и (или)
направлен иностранным агентом
«Команда против пыток»
либо касается деятельности
иностранного агента
«Команда против пыток»

18+

Введение

В 2023 году ростовский девятиклассник Алексей Маринец рассказал, что директор Казачьего кадетского корпуса избил его за незначительный проступок — подросток достал на уроке физкультуры мобильный телефон. Алексей вспоминает, что его завели в подсобное помещение спортзала, где директор сначала оскорблял его, называя «чмом» и «ублюдком», а потом ударил по голове и бил кулаками по рёбрам. Алексей и его родители не стали замалчивать ситуацию — но поначалу СК отказывался возбуждать уголовное дело.

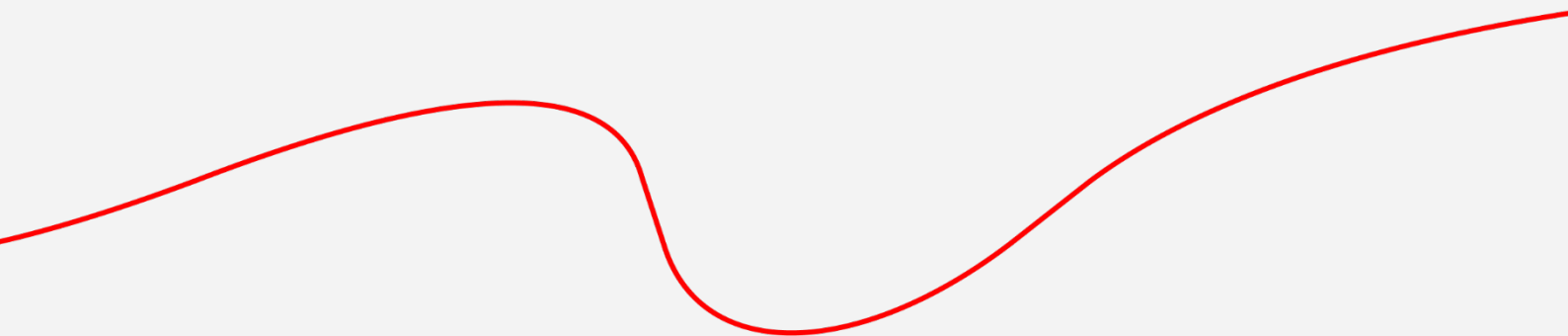
Педагоги и руководство утверждали, что подростка никто не бил. Психолог учебного учреждения говорил, что Маринец «приврал», а учительница русского языка и вовсе предположила, что он «фантазирует». Однако некоторые одноклассники Алексея рассказали, что после разговора с директором он вышел из подсобки спортзала с красным лицом, задыхаясь и держась за грудь. В 2025 году юристам удалось добиться возбуждения дела, но в весной 2026 года оно было прекращено за отсутствием состава преступления. Постановление о прекращении отменили только после того, как дело истребовал председатель СК РФ Александр Бастрыкин.

На первый взгляд может показаться, что эта история — из ряда вон выходящий кейс. Однако наша практика показывает, что **насилие в учреждениях, где воспитываются несовершеннолетние, перестаёт быть редкостью**. Оно бывает как **горизонтальным**, когда с попустительства педагогического состава ученики издеваются друг над другом, так и **иерархическим**, когда педагоги, на которых лежат обязанность и ответственность по обеспечению безопасности подопечных, посягают на физическую и психическую неприкосновенность учеников. В таких ситуациях страдают не только дети старшего возраста — мы достоверно знаем о случаях насилия в детских садах и даже спецучреждениях для детей с особенностями здоровья. **Только за 2026 год Команда против пыток зафиксировала больше 70 случаев буллинга по открытым источникам и провела три проверки по эпизодам, связанным с физическим насилием над учениками**

школ и кадетами. Всего же за годы правозащитной работы мы провели около 40 проверок сообщений о педагогическом и межученическом насилии.

Насилие в учебных заведениях устроено иначе, чем уличное или семейное: у него почти всегда есть свидетели, но редко — последствия. Травля, унижения со стороны учителей, драки, вымогательство и даже сексуализированное насилие фиксируются лишь тогда, когда дело доходит до больницы или до суда, — однако таких случаев меньшинство. Образовательным учреждениям свойственно закрывать глаза на проблему, чтобы не создавать себе лишних разбирательств, а родители зачастую боятся огласки, опасаясь навредить ребёнку и его будущему.

Между тем именно школьный опыт задаёт представление о том, как можно поступать с более слабым и что за это (не) бывает. Изучать это важно не столько для того, чтобы описать отдельные трагедии, сколько для того, чтобы понять, какие практики школы воспроизводит изо дня в день и почему они остаются невидимыми для статистики — **и за счёт видимости сделать такие практики неприемлемыми.**

Методология и данные

Мы провели парсинг сообщений из открытых источников, содержащих указание на педагогическое насилие и насилие в учебных заведениях. Набор данных охватывает публичные сообщения в мессенджере Telegram и соцсети «ВКонтакте» за период с января 2016-го по середину июня 2026 года, описывающие конкретные случаи насилия над несовершеннолетними, находившимися под ответственностью образовательных и воспитательных учреждений в России. Мы использовали набор ключевых слов и языковые модели.

Сбор проходил в два этапа.

1. **Основной сбор** — поиск и отбор релевантных сообщений из пяти источников, в результате которого мы собрали базу инцидентов и связанных с ними публикаций. Мы собрали сообщения из (1) 115 специализированных образовательных каналов (педагогические сообщества, каналы для родителей, официальные каналы органов образования), отобранных по тематическому каталогу Telegram-каналов, (2) 857 образовательных сообществ во «ВКонтакте» (школы, детские сады, родительские и педагогические сообщества), (3) 9 251 региональный и локальный новостной канал в Telegram, (4) 790 новостных сообществ во «ВКонтакте» и провели поиск (5) по глобальному поиску во «ВКонтакте».

2. **Оценка общего объёма публикаций («знаменатели»)** — подсчёт всех сообщений в обследованных каналах по годам, чтобы можно было оценивать не только абсолютное число релевантных публикаций, но и их долю в общем потоке. Мы отбирали их по критериям релевантности. Релевантным считается сообщение о конкретном происшествии (не обобщение, не методический материал, не статистика), в котором пострадавший — **несовершеннолетний, находившийся в момент происшествия под ответственностью образовательного или воспитательного учреждения** (критерий — ответственность персонала, а не место: например, избиение на школьной экскурсии учитывается), и происшествие произошло в России.

Каждый инцидент размечен по типу насилия, типу образовательного учреждения и региону. Перед анализом мы удалили дублирующие друг друга сообщения, используя кластеризацию и ручную проверку.

Всего мы разметили и проанализировали **20 539 инцидентов**, с которыми связано **131 646 публикаций** в медиа.

Также мы нормировали публикации — в тех источниках, где это было возможно, — на общее число сообщений в социальных сетях, где осуществлялся поиск. Однако мы понимаем, что говорить о динамике насилия исключительно по числу информационных сообщений даже с учётом нормирования **некорректно в силу латентности проблемы**. В этой части мы описываем лишь результаты анализа медиарепрезентации без попытки ответить на вопрос, стало ли насилия в действительности больше.

Дополнительно мы прибегли к скрейпингу текстов судебных решений, опубликованных российскими судами общей юрисдикции и содержащих указание на подобное насилие. Особое внимание мы уделяли делам по статьям 156 (неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних), 286 (превышение должностных полномочий) и 293 УК РФ (халатность). Этих решений оказалось крайне мало — в том числе в силу анонимизации карточек и непубликации решений, связанных с несовершеннолетними, — что позволило нам изучить их вручную.

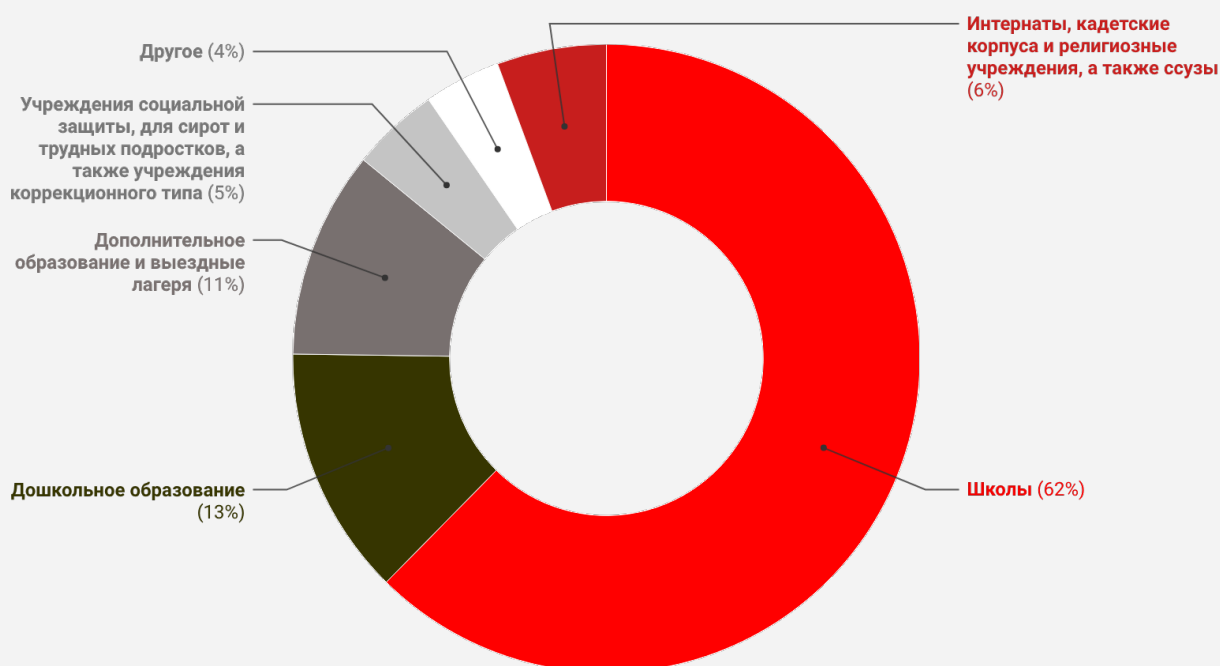
Ниже представлены наши основные выводы.

Школа — основное место сосредоточения насилия в сфере образования

Основная опасность насилия в образовательной среде заключается в том, что дети, находясь внутри институциональной системы, оказываются в заведомо уязвимом положении. В таких условиях они могут становиться жертвами различных форм посягательств: как со стороны педагогов, обладающих властью и возможностью оказывать давление (в силу возраста и иерархического положения), так и со стороны сверстников, для которых характерны групповые формы агрессии, направленные против более уязвимых учеников.

В обоих случаях возможности сопротивляться такому давлению существенно ограничены. Это справедливо вне зависимости от типа образовательного учреждения — будь то школа, детский сад или специализированное учреждение для содержания несовершеннолетних. В любой системе, где формируются жёсткие иерархии и неравенство власти, сохраняется риск злоупотреблений, насилия и произвола.

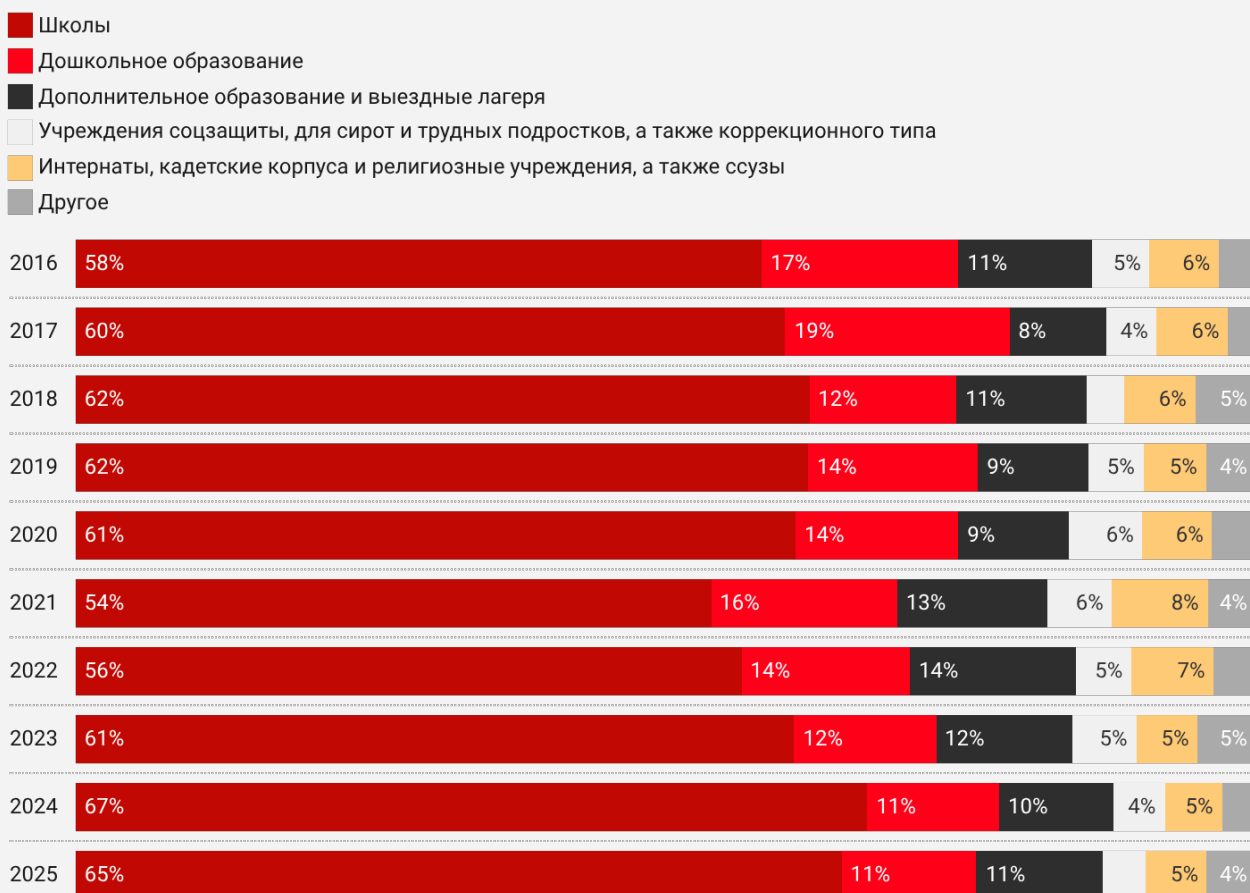
При этом именно школа — место, где российские дети проводят значительную часть своего времени в возрасте от 7 до 16–18 лет, — чаще всего фигурирует в сообщениях о насилии среди детей и в отношении детей. По нашим данным, **62% зафиксированных случаев насилия происходят именно в школьной среде**. За 10 лет в СМИ подобные инциденты встречались 13 тысяч раз. На втором месте — **детские сады (13%)**, на третьем — учреждения **дополнительного образования и выездные лагеря (11%)**.

Обстоятельства, в результате которых страдают дошкольники, сильно различаются: от нанесения побоев до халатности и недосмотра, приводящих к травмам. Нередко встречаются сообщения об оскорблениях и унижениях малышей — они могут и ограничиваться словами, и переходить к конкретным унижающим действиям (например, когда ребёнка публично наказывают или не отпускают в туалет; встречаются и совсем вопиющие случаи, когда малышей заставляют просить прощения на коленях, душат или ломают им пальцы крышкой от фортепиано).

При этом насилия в стенах школ, если опираться на медиарепрезентацию, становится больше — это видно и по структуре сообщений (с 2021 года доля сообщений о школьном насилии среди всех образовательных инцидентов дошла до 65%), и по общему росту числа сообщений в медиа (с учётом нормировки в 2025 году сообщений о насилии в школах стало примерно в три раза больше, чем в 2016-м).

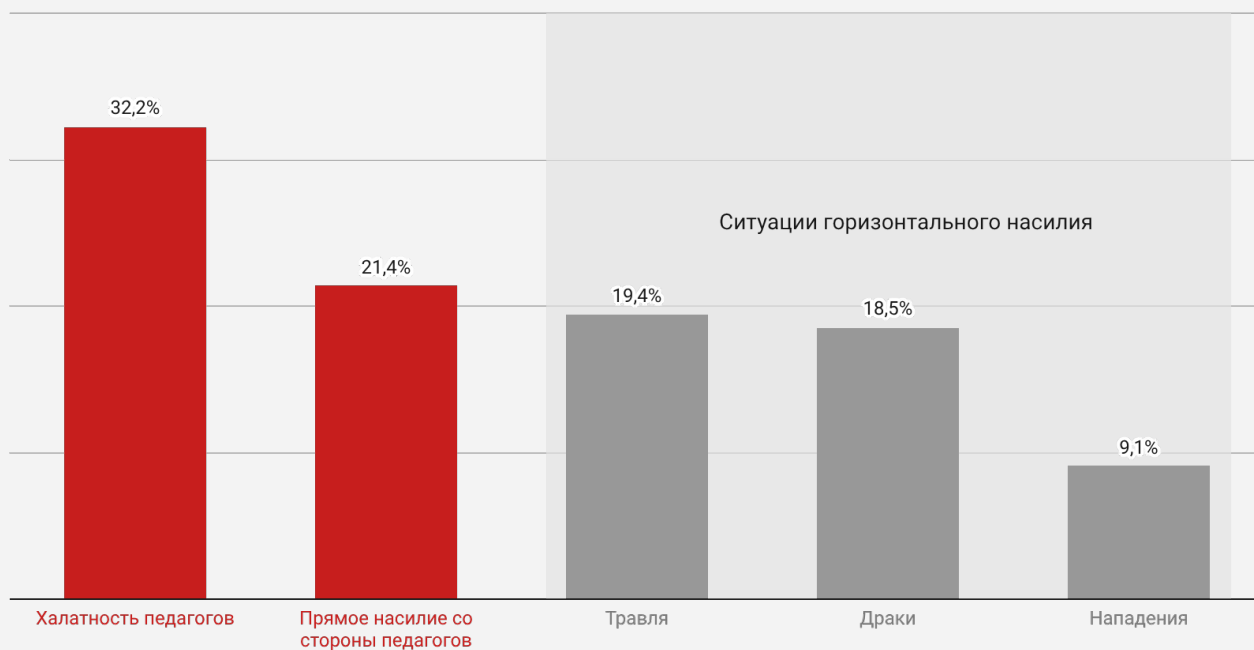
Распределение сообщений о насилии и травматизации детей и подростков
(по месту события)

Учителя и педагоги — основные акторы насилия в сфере образования. Каждый 5-й случай — прямое насилие от педагогов; ещё треть случаев — это вред детям по халатности педагога

Школы и другие образовательные учреждения несут повышенную социальную и этическую ответственность ввиду того, что родители доверяют этим заведениям развитие, благополучие, безопасность и воспитание своих детей. Вместе с тем **21,4% фиксируемых событий — это прямое насилие от учителей и воспитателей. Ещё каждый третий ребёнок из нашей выборки получил в стенах образовательного учреждения травмы и увечья по халатности педагогов.**

Более чем в половине сообщений о насилии и травматизации в образовательной среде — это последствия **(без)действия педагогов**

В плоскости горизонтального насилия наиболее распространённой формой воздействия является коллективная травля (19,4%). В подавляющем большинстве случаев такие

ситуации игнорируются или фактически допускаются со стороны преподавательского состава. Драки тоже не редкость — на них приходится 18,5% сообщений.

Шутинги, «колумбайны», нападения и другие формы насилия, совершаемые учениками, хотя и привлекают основное внимание государства и общества, составляют лишь **9% новостных сообщений**. Фактически это означает, что — несмотря на сравнительно небольшую долю — примерно каждый двенадцатый попадающий в медиа случай насилия связан с массовыми нападениями, в результате которых причинён какой-либо вред здоровью или которые привели к человеческим жертвам. А если учитывать тот факт, что «несерьёзное» насилие нередко вообще не попадает в медиа, то в общей картине образовательных инцидентов историй с жестокими нападениями, скорее всего, станет ещё меньше.

14% инцидентов из нашего датасета касаются сексуализированного насилия. Не менее чем в **39% случаев агрессором является педагог или взрослый, связанный со сферой образования** (например водитель, охранник или прочий служебный персонал), ещё в не менее чем 21% ситуаций — агрессорами были сами ученики. При этом нужно помнить, что на деле эти доли могут быть выше — потому что нередко в силу специфики насилия и малолетнего возраста пострадавшего сообщения формулируются так, что из них непонятен агрессор («совершили действия сексуального характера», «надругались» и другие обезличенные конструкции). Отличает «ученическое» сексуализированное насилие тот факт, что оно зачастую происходит в закрытых и полужакрытых учреждениях — интернаты, спецшколы, лагеря, санатории — и часто с видеофиксацией самими подростками, в то время как педагоги нередко совершают подобное насилие за стенами школ и образовательных учреждений.

Вместе с тем при анализе данных СМИ важно учитывать ограниченность нашей выборки: далеко не все случаи насилия становятся публичными. Это может быть связано как с нежеланием родителей добиваться защиты прав своих детей, так и со спецификой насилия в образовательных учреждениях, о котором сами дети часто не склонны сообщать, опасаясь усиления травли или иных форм давления.

Судебная практика не замечает педагогического насилия, а анализ таких случаев затруднён

С учётом контекста и определений, содержащихся в статье 1 **Конвенции против пыток**, насильственные действия преподавателей в отношении учеников должны рассматриваться как формы пытки или иного жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Потому что педагог — это лицо, наделённое государством правом принуждения, то есть государственное должностное лицо или иное лицо, выступающее в официальном качестве. И когда такой представитель государства использует своё положение для противоправных целей, мы должны рассматривать такое насилие как государственное. Однако с учётом особенностей российской правоприменительной практики добиться обвинительного приговора в отношении учителя за пытку ребёнка практически невозможно.

Профильная статья о превышении должностных полномочий с применением насилия или пытки практически не используется в делах о насилии в образовательных учреждениях. Этому способствует как устойчивая правоприменительная практика, избегающая использования самого понятия пытки и нередко игнорирующая сообщения о подобных событиях уже на стадии полицейской проверки и следствия, так и распространённое представление о том, что педагог не может рассматриваться в качестве субъекта пытки.

В общественном сознании пытка воспринимается как явление, находящееся за пределами повседневной жизни, и редко ассоциируется с ситуациями, участниками которых являются учителя, врачи или другие лица, которым государство делегирует властные полномочия.

Мы проанализировали весь доступный архив судебных решений, опубликованных российскими районными судами, и не обнаружили ни одного приговора, связанного с насилием над детьми в школах или других образовательных учреждениях, в котором насилие было бы квалифицировано как пытка. При этом полноценный анализ полицейских, следственных и судебных документов существенно затруднён. В силу законодательных ограничений тексты судебных решений по делам, затрагивающим права несовершеннолетних, как правило, не подлежат публикации. Поэтому в своих выводах мы вынуждены опираться только на информацию, доступную из открытых источников.

Единичные дела о привлечении педагогов к ответственности квалифицируются по менее тяжким статьям — например, по статье 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей

по воспитанию несовершеннолетнего»), максимальное наказание по которой не превышает трёх лет лишения свободы.

В тех делах, что мы нашли, статья 156 УК РФ фигурирует в связке с истязанием, доведением до самоубийства или незаконным лишением свободы — это связано с тем, что сама по себе статья 156 рассматривается мировыми судьями, парсить решения с сайтов которых автоматически невозможно. Это означает, что видимость педагогического насилия через судебные решения крайне ограничена, и в реальности дел (теоретически) может быть больше.

Воспитательница детского сада в Сочи **Ольга Мочалина** несколько месяцев была малолетних воспитанников ладонями по голове и ушам, выкручивала уши, хватала за шею, таскала за руки — поводом служили неправильно выполненное задание, баловство или плач. Одного ребёнка, плакавшего во время тихого часа, она заперла во взрослом туалете без окон с выключенным светом, где он оставался до прихода матери. Единственное зафиксированное телесное повреждение — кровоподтёк ушной раковины, вреда здоровью не причинивший. Мочалина полностью признала вину. 3 марта 2023 года Лазаревский районный суд Сочи назначил ей по совокупности четыре года колонии общего режима с запретом работать с детьми на четыре года, но реальное отбывание отсрочил по статье 82 УК до достижения её младшим ребёнком четырнадцати лет — у осуждённой четверо малолетних детей.

Сергей Кайсаров работал волонтером-воспитателем в лагере психологического тренинга, который ООО «Центр разностороннего развития детей и взрослых "Время первых"» проводило на базе санатория «Надежда» в Чувашии. Физические наказания, ночные подъёмы — жёсткая дисциплина навязывалась всем воспитанникам, но 13-летний подросток стал особой мишенью: за отказ выполнять упражнения Кайсаров привязал его к батарее и продержал так двое суток, затем организовал под видом спортивного спарринга избиение — другой воспитанник по его указанию нанёс не менее тридцати ударов боксёрскими перчатками, сломав потерпевшему нос. Сам Кайсаров бил мальчика руками, перчаткой и деревянной частью стула, после чего заставил его надеть женскую одежду и парик и выйти к остальным. Вину он не признал, настаивая, что всё происходившее было частью программы психологического тренинга. 4 декабря 2023 года Новочебоксарский городской суд **назначил** ему шесть лет колонии общего режима — единственный реальный срок среди дел о педагогическом насилии в выборке. Обвинение по статье 156 к тому моменту прекратили за истечением срока давности.

Владимир Зайцев вёл группу продлённого дня в кадетских классах школы Альметьевска и наказывал учеников многократными приседаниями, длительным бегом и другими физическими нагрузками, сопровождая их унижающими высказываниями. 17 марта 2021 года после кражи в магазине он публично обвинил нескольких учащихся, включая не причастного к ней подростка Г., назвал их позором кадетского класса и пригрозил, что родителей Г. уволят с работы, а брата отчислят из института; весь учебный день мальчик по его требованию простоял в коридоре на каждой перемене, и одноклассникам не позволяли к нему подходить. В тот же день Г. выпрыгнул из окна седьмого этажа. Суд установил причинно-следственную связь между действиями

воспитателя и покушением на самоубийство. Зайцев вину не признал, объясняя происходившее дополнительными нагрузками в воспитательных целях, но суд учёл его явку с повинной, состояние здоровья, награды и благодарности: 27 марта 2023 года Альметьевский городской суд **назначил** два года лишения свободы условно, штраф 20 тысяч рублей и трёхлетний запрет на педагогическую деятельность.

Из всех изученных нами приговоров, где фигурирует статья 156 УК РФ, реальный срок один на всю совокупность (дело Кайсарова) за истязание с привязыванием к батарее и организованным избиением — и тот назначен по другим статьям (статья 156 УК РФ исключена из квалификации). Всё остальное укладывается в диапазон от штрафа 10 тысяч до условного срока: обязательные работы, штрафы, условное лишение свободы. Даже там, где вред здоровью доказан экспертизой, наказание остаётся условным. Запрет на профессию суды назначают непоследовательно — а если и назначают, то в среднем на 2–3 года. Это означает, что у таких педагогов дорога обратно в профессию формально открыта. И это не судебское усмотрение — это прямое следствия мягкости закона, не предусматривающего по подобным составам пожизненного запрета на работу с детьми.

Почему педагоги применяют насилие

Анализ приговоров показывает, что нередко насилие в школах порождается не жестокостью как таковой, а **нарушением дисциплинарного порядка** — причём порядка, нарушение которого создаёт неудобство взрослому, а не опасность ребёнку. Воспитатель кадетских классов прямо объяснял в суде, что применял дополнительную физическую нагрузку, потому что дети «шумели на уроках и мешали учителям вести уроки». Учительница начальных классов схватила ученика за волосы из-за того, что он шумел на уроке и не реагировал на замечания. Волонтёр-воспитатель лагеря начал преследование подростка после его неоднократных отказов выполнять физические упражнения. В сухом остатке насилие происходит потому, что ребёнок не подчинился, и подчинение восстанавливается силой.

Но встречаются и ситуации, когда педагог реагирует не на сознательное поведение ребёнка, а использует насилие для вымещения агрессии: так, например, в приговорах можно встретить формулировки вроде «используя незначительный повод, а именно, что потерпевший плакал и кричал». В другом деле поводами стали нежелание ребёнка лежать в тихий час и то, что мальчик без разрешения встал поднять упавший карандаш, — за это

последовал удар по руке и оскорбление на глазах всей группы. Здесь наказывается не проступок, **а сам факт того, что ребёнок ведёт себя как ребёнок**: плачет, двигается, не спит по расписанию. Это указывает не на индивидуальную жестокость, а на конфликт между режимом группы и нормальным детским поведением, в котором взрослый разрешает конфликт единственным доступным ему способом.

Юридически всё это упаковывается в стандартную конструкцию — «на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений». Формула встречается и там, где речь идёт о четырёхлетнем ребёнке, которого педагог видит ежедневно, и там, где неприязнь возникла из-за отказа делать упражнения. Эти слова не описывают причины таких реакций взрослого, ведь суду достаточно установить умысел, а откуда взялась неприязнь к малолетнему — предмет, который приговор не исследует.

Зато сами обвиняемые практически всегда оправдывают себя и переносят ответственность за свои реакции на ребёнка: насилие, с их точки зрения, может применяться, чтобы воспитать, «чтобы остудили свой пыл». Насилие взрослыми не осознаётся таковым: оно предъявляется как метод, у которого есть цель, и причина: пострадавшие «сами вели себя неподобающим образом, не слушались классного руководителя».

Видеозапись и показания — основа дел о насилии в школах

Доказательственная база в делах против педагогов устроена довольно однообразно, и главный её элемент — показания самих детей. В типичном приговоре перечень доказательств начинается с показаний нескольких несовершеннолетних потерпевших, затем идут устные и письменные показания их родителей и других свидетелей, и лишь потом медицинские документы. Отсюда и стандартная линия защиты: родители опрашивали детей дома неизвестно как, могли задавать наводящие вопросы, показания расходятся между собой, а на психологической диагностике те же дети отзывались о педагоге хорошо. Суды такие доводы отклоняют, но сама возможность их выдвинуть показывает уязвимость доказательственной базы.

Судебно-медицинская экспертиза появляется редко и почти никогда не бывает решающей. Она значима там, где вменяется вред здоровью, — то есть где помимо статьи 156 есть

отдельный состав. В делах, идущих только по статье 156, телесных повреждений либо нет вовсе, либо они не влекут вреда здоровью: кровоподтёк, физическая боль без последствий. Психолого-педагогическая экспертиза также упоминается в некоторых приговорах, и её роль растёт там, где насилие нефизическое. В одном из дел заключение такой экспертизы стало центральным доказательством: эксперт квалифицировал действия воспитательницы, включая объявленный ребёнку «бойкот» с запретом остальным детям с ним играть и разговаривать, как метод наказания, противоречащий педагогически оправданным. По сути эксперт отвечал на вопрос, где кончается воспитание и начинается жестокое обращение. В другом деле психологи из центра соцобслуживания давали заключения о психоэмоциональном состоянии детей, но защита оспаривала методику.

Видеозапись — единственный тип доказательства, который переламывает ход дела сразу. В двух делах записи камер видеонаблюдения в группе детского сада зафиксировали удары, и протоколы осмотра поминутно расписывают увиденное. Это же и единственные два дела в выборке, где подсудимая признала вину — полностью или в части эпизодов. Закономерность прозрачная: там, где есть камера, отрицать нечего. А вот запись, сделанная родителем во время тихого часа, суды могут и не принять, сославшись на невозможность идентифицировать, к кому обращена звучащая на ней оскорбительная реплика.

**Родители крайне редко решают обращаться
за правовой помощью и предавать дело огласке**

В практике правозащитных организаций также крайне мало дел, в которых предметом защиты выступают права детей. Команда против пыток в период с 2022 года зафиксировала 111 сообщений о буллинге и прямом насилии в образовательной сфере и провела порядка 40 проверок, и только один раз — в кейсе Маринца — дошло до полноценного общественного расследования и возбуждения дела. Родители пострадавших детей часто отказываются от взаимодействия с правозащитниками — и мы знаем об этом по собственному опыту. С одной стороны, это связано со стигматизирующим статусом «иностранный агент», которым Российская Федерация наделила большинство независимых правозащитных организаций. С другой стороны, сама тема насилия в отношении детей остаётся табуированной, а преступления против детей по-прежнему отличаются высокой латентностью.

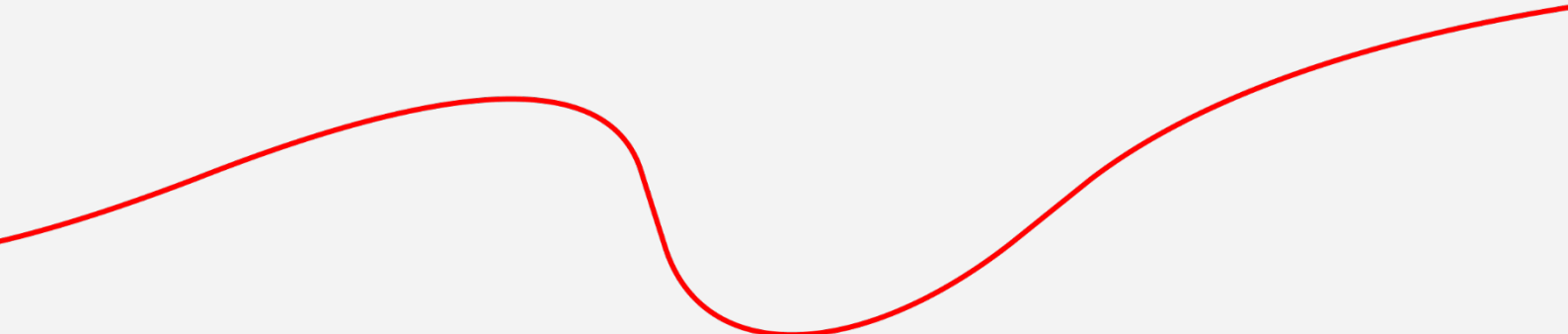
На решение родителей не предавать случаи насилия огласке влияет целый комплекс психологических, социальных и институциональных факторов. Прежде всего многие родители опасаются, что открытый конфликт со школой может негативно сказаться на самом ребёнке. Существует страх, что после подачи жалобы учителя или администрация начнут относиться к ребёнку предвзято. Это может проявляться в давлении, придирках к оценкам, ухудшении отношения со стороны педагогов или даже в скрытых попытках вытеснить ребёнка из класса или школы.

Существенную роль играет и недоверие к существующим механизмам защиты. Родители нередко убеждены, что школа в первую очередь будет защищать своего сотрудника, а проверки окажутся формальными и не приведут к реальным последствиям. Поскольку физическое, а тем более психологическое насилие в образовательной среде трудно доказать, многие заранее считают такую борьбу бессмысленной и не верят, что смогут добиться справедливости.

Кроме того, подобные ситуации могут сопровождаться чувством стыда и внутренней вины. Родители могут переживать, что не смогли вовремя защитить ребёнка, или опасаться, что окружающие воспримут произошедшее как свидетельство проблем в воспитании. Иногда возникает сомнение в том, не спровоцировал ли сам ребёнок конфликт, что усиливает желание не выносить проблему в публичное пространство. Страх публичности также связан с возможной реакцией окружающих: обсуждениями в родительских чатах, осуждением со стороны других родителей или риском стигматизации ребёнка среди одноклассников. В небольших школах и локальных сообществах это особенно чувствительно, поскольку информация быстро распространяется и надолго сохраняется в коллективной памяти.

Не менее важным фактором становится эмоциональное истощение. Конфликт со школой, защита ребёнка и постоянный стресс требуют значительных психологических ресурсов, и у многих родителей просто не хватает сил на длительную и сложную юридическую борьбу. В результате они предпочитают более быстрые способы выхода из ситуации — например, перевод ребёнка в другой класс или школу либо неформальное урегулирование конфликта.

Свою роль играет и культурная установка, согласно которой жёсткое или унижительное поведение учителя может восприниматься как допустимая форма дисциплины. Представления о том, что «учитель имеет право быть строгим» или что «раньше тоже так воспитывали», иногда приводят к тому, что часть родителей не сразу воспринимает происходящее как нарушение прав ребёнка. В итоге многие семьи выбирают стратегию молчания, стремясь как можно быстрее вывести ребёнка из травмирующей ситуации и не вовлекаться в длительный и публичный конфликт с образовательной системой.

Об исследовании

Исследование медиа и приговоров было окончено в середине 2026 года. Текст актуален по состоянию на 1 сентября 2026 года.

Парсер, с помощью которых мы получили доступ к корпусу текстов судебных решений, разработан командой проекта «**Если быть точным**» — ссылка на его скачивание и инструкции по установке находится [здесь](#).

Гайд по возможностям и работе с парсером можно посмотреть [по ссылке](#).

Для цитирования:

Тихий час. Как выглядит жестокость в российском образовании и почему судебная практика не замечает педагогического насилия. — Нижний Новгород : Команда против пыток, 2026.

Онлайн-версия доклада [находится здесь](#).

© Команда против пыток, 2026

Распространяется по лицензии [Creative Commons «Attribution» CC BY-NC-SA 4.0](#)

